

С.А. КРАВЧЕНКО

МНОГОЛИКОСТЬ МЕТАМОРФОЗ: О НОВАЦИЯХ ДВУХ КАНАДСКИХ СОЦИОЛОГОВ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. Анализируются материалы, представлявшие на XIX Всемирном социологическом конгрессе. Обращается особое внимание на характер канадской социологии. Конкретно, просматриваются работы двух известных канадских социологов, своеобразие их подходов к власти, насилию и справедливости в контексте новой тенденции цифровизации социума. Среди теоретических новаций анализируются, в частности, современные метаморфозы социальных реалий и знания, обусловленные побочными эффектами сложившихся формально-рациональных и прагматических трендов развития наук и технологий, которые негативно влияют на социокультурную природу человека, общество, биосферу. Канадские социологи, организаторы форума, особо обращают внимание на тенденции цифровизации научного знания и становления цифровых технологий, которые являются факторами метаморфоз общества, экономики, человека в «антиобщество», «антиэкономику», «античеловека», ведут к становлению нового типа власти, осуществляющей глобальное господство на основе цифровых технологий, порождающей цифровое насилие над людьми. Преодоление возникших вызовов человеческой цивилизации ими видится на путях перехода к междисциплинарному знанию с культурным стержнем, а также учета знания, формирующегося в результате жизненного опыта сообществ людей.

Ключевые слова: XIX Всемирный социологический конгресс • метаморфоза • знание • цифровые технологии • побочные эффекты • «антиобщество» • «антиэкономика» • «античеловек» • гуманистический поворот

DOI: 10.31857/5013216250003999-1

Проблемы власти, насилия и справедливости, вынесенные организаторами XIX Всемирного социологического конгресса на обсуждение его участников, казалось бы, достаточно основательно изучены – есть общепризнанные теории, интерпретирующие эти реалии. Однако природа и социум подвержены эффекту «стрелы времени» [Пригожин, Стенгерс, 2000], т.е. развиваются ускоряющимися темпами и усложняющимся образом, обретая принципиально новое качество. Их сложную природу подчеркнула М. Абрахам, президент Международной социологической ассоциации: «Мы собрались на Конгресс, чтобы обсудить сложности власти, насилия и справедливости в наше время» [Abraham, 2018: 11]. На наш взгляд, сложность многих социальных реалий, в частности, выражается в метаморфозах, происходящих с ними. Под метаморфозами нами понимаются радикальные изменения, предполагающие качественное усложнение природных и социальных реалий, что связано с изменением их структур и функций. Они проявляются в виде особых *нелинейных явлений*, инициирующих разрывы и травмы нынешнего бытия, в результате обретающего иное, *необратимое содержание* [Кравченко, 2017а]. При этом процессы метаморфизации охватывают все более широкие пласты социальных реалий. У. Бек утверждает, что ныне весь мир подвержен метаморфозе [Beck, 2016].

Идеи метаморфизации общества, живых и неживых реалий, биосферы, науки, технологий, культуры, экономики, власти, насилия, справедливости и даже человека, его типов мышления получили обоснование в трудах канадских социологов, приуроченных

к конгрессу. На наш взгляд, приятной неожиданностью оказалась возможность познакомиться со спецификой канадской социологии, новизна которой, как нам видится, представлена в работах ряда канадских социологов. Их авторов объединяет обеспокоенность радикальными трансформациями всей человеческой цивилизации и практически всех сфер жизнедеятельности людей, чему сопутствует *культурная деградация*. По мнению, например, У.Х. Вандербурга, директора Центра технологии и социального развития при Торонтском университете, побочные эффекты современных тенденций развития наук и технологий, ориентированных на абсолютизацию ценностей формального рационализма и эффективности, привели к «нашей войне с самими собой» [Vanderburg, 2011]. Предотвращение или, по крайней мере, минимизация этих тенденций предполагает возрождения в науках и технологиях «человеческого духа» [Vanderburg, 2016]. В. Моско, автор и редактор двадцати трех книг, профессор Королевского университета, считает, что ныне происходит переход от постиндустриального и постинтернетного обществ к *обществу цифровому*, сопровождающийся невиданным насилием над коммуникациями людей [Mosco, 2017]. Канадские ученые полагают, что объективная диагностика и валидные интерпретации становящихся реалий востребовали радикальные новации во всем научном знании, включая социологию, – оно должно перейти в новое качество, став *междисциплинарным* и *культурным стержнем*.

Современные тренды развития научного знания и технологий – главные факторы метаморфоз. По мнению У.Х. Вандербурга, мы живем в мифических представлениях, сформированных в эпоху Просвещения, о том, что «наука может познать все», а «материальные, социальные и духовные технологии могут преобразовать все». Сегодня требуется переоткрытие научного знания и мышления, роли технологий для онтологической безопасности людей, чтобы утвердился «более жизненный и устойчивый мир». Вот лишь некоторые, по его словам, «ограничения» знания и технологий, формирующие новые формы насилия и несправедливостей. Во-первых, «наша наука организована посредством дисциплин, каждая из которых специализируется в одной категории явлений. Физики исследуют физические явления, социологии – социальные» и т.д. Эта интеллектуальная стратегия исследования человеческой жизни и мира через призму одной категории явлений эффективно работала при изучении относительно простых социальных реалий. «Но это очевидно плохо подходит для ситуаций, в которых сложные категории явлений оказывают нетривиальные воздействия». Наука, основанная на дисциплинарно ограниченных предметных сферах, сталкивается с существенными проблемами исследования сложностей человеческой жизни, общества, биосферы. Во-вторых, современные науки относятся к ним, «как будто они имеют характеристики неживых существ. Столетиями мы искали живое среди неживого: изначально механистический взгляд на мир, который изображал жизнь в терминах классических машин, позднее – информационное видение мира, изображающее жизнь в терминах компьютеров». «Большинство вызовов нашей цивилизации проистекают из столкновений, с одной стороны, между “миром” машин, с другой – человеческой жизнью, обществом и биосферой». В-третьих, организация современных университетов «потерпела неудачу в признании существенных ограничений наших дисциплинарных подходов к преобразованию». «Проще говоря: техника пытается улучшить человеческую жизнь и мир, как будто они построены из разрозненных, отдельных сфер, определяемых единственной категорией явлений». В-четвертых, недооценивается роль *релятивного* знания, обусловленного символизацией, жизненным опытом, культурой. Символизация весьма значима для полноценной жизни людей. Она «привела к созданию сферы возможностей, которые ставятся между человеческой группой и природой, тем самым создав символический мир..., сделав нас символическими существами, отличными от всех животных». Между тем, западная цивилизация «основывается на попытках обрести *абсолютное* знание», игнорируя, по существу, знание конкретных культур. В контексте абсолютизации дисциплинарного знания *научный факт* стал рассматриваться как фактор, способный не только преодолевать теологические мифы, но и создать «валидное знание для

всех времен, пространств и культур, равно как для различных стадий в развитии самой науки». Утвердился культ факта. Пример тому – современная медицина, в значительной степени трактующая симптомы болезней вне культурной жизни пациента (чем он питается, где и как работает, отдыхает, спит, где живет, каково его образование и т.д.). Также утвердился культ эффективности, являющийся движителем конкуренции научных теорий и развития технологий. Результаты исследования образовательных программ в Канаде и США, проведенного автором, свидетельствуют, что «будущие инженеры почти ничего не изучают из того, как технология влияет на человеческую жизнь, общество и биосферу» [Vanderburg, 2016: 3, 4–6, 16–17, 23–24, 25, 80, 101]. Культы факта и эффективности всячески умаляют знание, производимое в многочисленных культурах и жизненных мирах, что сегодня обернулось становлением *научного и технологического насилия*, которое подавляет социокультурную природу людей, способствуя распространению физических и ментальных болезней, страхов и социальных патологий. В-пятых, В. Моско считает, что наука и технологии становящегося *цифрового общества* радикально меняют реалии власти, насилия, справедливости, лишая их собственно культурного содержания и смысла. Возникли «значимые социальные проблемы, включая концентрацию власти у нескольких глобальных компаний и правительств». Цифровое общество основывается на трех «фундаментальных структурах»: 1) облачная обработка данных (cloud computing) – «обработка данных на удаленных серверах», приведшая к созданию «информационных фабрик», что «позволяет мониторить, управлять и контролировать граждан» (предрасположенных к совершению преступления или трансплантации органов) и в целом осуществлять надзор; 2) центры анализа больших данных; 3) интернет вещей – «не совсем аккуратный термин, – замечает автор, – ибо устройства также включают в себя и людей». Новые реалии цифрового общества «фундаментально меняют отношения между людьми и цифровыми машинами», «означают постоянную интеграцию людей и машин». Эти три структуры, интегрированные в конкретные компании, ныне создали принципиально *новую власть*, которая на глобальном уровне обеспечивает «доминирование в цифровом мире», является «силой в политико-экономических и геополитических конфликтах», а на уровне стран «контролирует индивидуальные тела и социальные отношения». Власть всего «пяти наиболее значимых корпораций в мире», имеющих американские корни – Apple, Google, Microsoft, Amazon, Facebook, – выражается контролем над процессами цифровизации во всем мире, что «представляют фундаментальную угрозу демократии». С ними конкурирует лишь китайская Alibaba, «являющаяся ныне значимой силой в мире вездесущих цифровых технологий». В результате возникает лишенная культурного смысла «сингулярность, предполагающая полную интеграцию человеческих тел и машин». И главное – для сдержек и противовесов этой власти «особенно необходимо начать разработку двусторонних и многосторонних соглашений по контролю над растущей опасностью, исходящей от цифровых военных действий». Данная власть явно и латентно производит новые формы антигуманизма и несправедливости, проявляющиеся в «перспективе сражений в дистанционных войнах без задействования масс солдат-людей, что способствует росту военных роботов». «Дроны выбраны, потому что они относительно дешевы, быстрее пилотируемых аппаратов, эффективно убивают». Эта власть также производит новые формы насилия над человеком, обществом и биосферой, в частности, производя е-мусор. «Большинство людей в развитом Западе весьма плохо осведомлены о е-мусоре, ибо компании успешно переправляют его в развивающийся мир зачастую незаконно» [Mosco, 2017: 6–12, 41, 133, 144, 154–155, 199].

Приходится констатировать антигуманизм становящейся глобальной власти, усугубляющийся отсутствием международных соглашений, регулирующих сферу применения военных цифровых технологий. Однако проблемы безопасности России, ее геостратегического положения в мире в нынешних условиях, полагаем, не могут решаться без нашего участия в этой власти. Соответственно, нам также нужны цифровые структуры, способные конкурировать с доминированием нынешних мировых цифровых монополий.

В-шестых, предпосылками современных метаморфоз стали «ценности товаров и услуг... они вытесняли культурные ценности. Деньги стали общим властелином всех ценностей, образуя тем самым “ценность ценностей” во всех индустриальных странах Западной Европы». В результате сформировался социальный тип *гомо экономикус*, для которого характерно то, что его знание отделено от жизненного опыта и культуры. Тому способствовала и «секулярная религия с новыми мифами капитала, прогресса, работы и счастья». В-седьмых, инновационное научное знание, воплощенное в технологиях, основанных на разделении труда, подрывало «социокультурную эволюцию, которая стала экстремально турбулентной... умножились технические продукты, плохо подходящие человеческой жизни, обществу и биосфере». И, пожалуй, главное: «по мере того, как люди изменяли технологии, эти технологии изменяли их... Экспансия технического порядка вызывает дезорганизацию в человеческой жизни, обществе и биосфере. Тем или иным образом эти дезорганизации прямо или косвенно подрывают эффективность техники». Как считает У.Х. Вандербург, эти тренды развития науки и техники, основанные на «секулярной религии» культов факта, эффективности, роста, а также «культы жизни как не-жизни», выбрали сами люди. При этом страдают и бедные, и богатые, ибо их человечность отчуждена. Вместе с тем сами люди как символические сущности могут «создать сферу новых жизненных возможностей и устойчивости» [Vanderburg, 2016: 32, 34, 37–38, 40, 45, 85].

Мы в целом разделяем эти позиции, предлагая, однако, дополнить их обращением научного сообщества и политиков к проблематике конкретных новых уязвимостей, связанных с созданием сложных технологических систем без должной проработки их отложенных влияний на культуру, жизнедеятельность человека, функциональность социума и биосферы [Кравченко, 2013]. Также полагаем, что нужно не противопоставлять научное и релятивное знание жизненного мира людей, а находить их оптимальное взаимодействие на принципах приоритетности культуры и гуманизма.

Метаморфозы общества в «антиобщество». В отличие от доиндустриального общества вся система современного образования вооружает студентов «дисциплинарным знанием, отделенным от жизненного опыта и культуры», которое «основывается на мифах прогресса, работы и счастья». Они внедрены не только в системы образования, но и «в функционирование фабрик, офисов, магазинов, театров, равно как и в “виртуальные толпы” телезрителей». Каждое новое поколение должно было социализироваться в техническом порядке, в котором «мало что оставалось от культурных связей». В результате современное общество метаморфизировалось в «антиобщество», в котором в дополнение к *гомо экономикусу* сформировался социальный тип «*гомо информатикус*»: дети «стали зависимыми от “гугливания”... Мы начали перестраивать все культурные смыслы и ценности применительно к техническому миру, который не может поддерживать символические сущности и который неустойчив для планеты». Цифровое посредничество предрасположено к «отфильтровыванию» всего культурного. «Например, телефон “отфильтровывает” глазной этикет, выражение лица, ритмы тела, обусловленные разговорами лицом-к-лицу. Текстовые послания и e-мейлы отфильтровывают еще больше». «Последствия для семей, групп, дружеских отношений и других социальных связей ужасны... Мы приближаемся к ситуации, когда почти невозможно развивать значимые, длящиеся и устойчивые социальные связи и отношения». «Антиобщества» не в состоянии поддерживать жизнь людей. Тинэйджеры начинают жить, как будто у них нет культурных ресурсов, соответственно «должны полагаться на другие многочисленные факты и мнения, доступные из их мобильных компьютеров... Шаг за шагом мир делается безопасным для техники и опасным для людей, сообществ и экосистем». Все, что возникает, «может быть названным антиобществами, в том смысле, что почти все в этих обществах перевернуто в противоположность: культурно обусловленное знание – в антизнание; культурное преобразование – в сферу антипреобразования; жизнь людей – в не-жизнь». В «антиобществе» другие представления и критерии счастья и справедливости. Если в прежнем обществе счастье носило социально-культурный характер, в «антиобществе» – *технический*, детерминируемый

адаптацией индивида к среде через цифровизацию: «Счастье есть нечто, что наука и техника могут доставить. Это делает любовь, свободу и сострадание почти ненужными, так как люди могут купить счастье». Выход из «антиобщества» автор видит в преодолении духа капитализма и сциентизма на путях «ресимволизации науки», «борьбы за человеческий дух... Техника, в конечном счете, зависит от нас как символических существ. Это значит, она никогда не будет в состоянии превратить человечество в эквивалент мегамшины». Главное – преодолеть нынешнее состояние «полной маргинализации нас как символических существ, ибо мы можем выступать только как человеческие ресурсы науки, техники и национального государства». Это будет весьма трудный путь, ибо «чем более культуры подвержены десимволизации со стороны техники, тем труднее использовать какие-либо культурные ресурсы (включая мораль и религию)» [Vanderburg, 2016: 254, 256–257, 258, 260, 261, 263, 264, 264, 271–272, 273, 275, 283, 294, 287–289, 291–292].

В. Моско отмечает, что в современных антиобществах утверждается невиданный ранее тип *тотального надзора*. «“Умные” телевизоры записывают разговоры хозяев, даже если они выключены, и шлют информацию в аналитические центры, расположенные на удаленных серверах, для обработки». «Канадцы обеспокоены тем, что их информация накапливается на серверах США». Интернет вещей отлеживает не только вкусовые пристрастия людей, но «собирает информацию о функционировании тела, активностях людей (количество шагов, сделанных за день, оценивает сердце, кровяное давление и т.д.)». Некоторые из цифровых средств помещены под кожу, чтобы улучшить функциональность индивида, но они также «углубляют надзор». При этом как имплантированные, так и содержащиеся в телефонах, смартфонах, банковских картах и т.д. чипы «передают информацию о пользователях без их ведома». В результате «мир становится контролируемым глобальными корпорациями и их надзором». На более локальном уровне цифровые средства «передают ценную информацию компании, включая возможность постоянного отслеживания местонахождения чипированного служащего». В результате возник немыслимый ранее тип паноптикума. «Вездесущий надзор собирает столько данных, сколько возможно, создавая цифровую версию всевидящего паноптикума... повсюду измеряются и отслеживаются почти все аспекты физического и ментального функционирования человека. Есть игрушки, которые не только развлекают детей, но и записывают голоса в жилой комнате и передают их для накопления как маркетинговый продукт». Антиобщество есть «система, которую лучше всего назвать *надзорным капитализмом*». «Наряду с надзорным капитализмом существует надзорное государство, термин относится к процессам, которые правительства используют, чтобы мониторить людей, включая собственных граждан, для обеспечения контроля над их поведением» [Mosco, 2017: 20, 22, 98–99, 104, 161, 166].

Возможно, канадские социологи в ряде случаев несколько драматизируют ситуацию. Но в целом с ними нельзя не согласиться, особенно в плане анализа тенденций деградации культуры гуманизма. В этом направлении ведут исследования и российские социологи, ратующие за акцентирование значимости проблематики жизни, гуманизма, ненамеренных последствий воздействия науки и техники на человека, общество, биосферу [Тощенко, 2016; Яницкий, 2018; Кравченко, 2014].

Метаморфозы экономики в «антиэкономике». Исторически экономика всегда была обусловлена культурно-локальным контекстом. Однако ныне, по мнению У.Х. Вандербурга, она превратилась в «секулярную теологию» с доминированием «культы роста». По существу, «влияние экономических явлений на человеческие жизни, общество и биосферу затмевает влияние всех других явлений». Благодаря мифам о капитале, прогрессе, работе и счастье, «экономические явления стали “базисом”, “ядром” общества и гомо экономикуса, новой секулярной “души” его членов. Значимые технологические, социальные, политические, правовые, моральные, религиозные и культурные трансформации стали интерпретироваться как второстепенные явления». В результате признания «второстепенности» жизненного мира и культуры человеческая работа была «реорганизована по образу машины... Замещение культурного подхода экономическим положило начало

реорганизации человеческой жизни и общества по образу машины (т.е. не-жизни)». «Невозможно помыслить современную экономику иначе, чем превращение ее в подсистему техники. Она более не определяется культурно установленными ценностями и чаяниями обществ. Вместо этого экономики управляются стремлением к эффективности, которая поставлена на службу культу роста». Если в условиях экономики люди работали, чтобы потом наслаждаться результатами труда и «изобилием природы», то последствием становления «антиэкономики» стало «растущее изобилие индустриальных товаров и недостаток многих природных вещей, включая чистый воздух, воду, еду, рыбу. Чем больше мы производим и потребляем, тем больше мы истощаем то, что ранее было естественным изобилием». Особо канадский социолог обращает внимание на то, что антиэкономика изменила характер работы, которая в условиях доминирования цифровых технологий «трансформировала почти все в человеческих жизнях и обществах на противоположное». Это конкретно выражается в игнорировании значимости «неэкономических явлений», в частности, «культурных связей людей», «тонкого слоя жизни, окружающего нашу планету». Кроме того, возникли новые проблемы со «здоровой работой, которая (ментально, социально и духовно) относится к контролю людей за самой работой». Ныне он практически утрачивается. «“Островки” здоровой работы находятся в опасности, ибо поглощаются океаном нездоровой работы». Вместе с тем автор настроен оптимистически к возможности преодолеть антиэкономику: признание пределов ее «реализма» делает возможным перейти к «практике наших человеческих и демократических ценностей, отрицая идею о том, что экономические явления могут “спасти” наш мир и обеспечить будущее рабочими местами, процветанием и ростом». Необходимо также признать, что антиэкономика «представляет систему, лишённую смысла, потому что долговременные траты и риски значительно перевешивают приобретения» [Vanderburg, 2016: 142, 144, 147, 150–151, 153, 181, 183, 196, 199].

Как считает В. Моско, «все больше люди работают ассистентами роботов и других умных средств... они отказываются от многого, если не всего, в контроле за автономными аппаратами и алгоритмами, доверяя им принимать решения в бизнесе, управлении и социальной жизни». Появляются новые сферы труда, связанные с производством механизмов надзора за людьми и манипулирования их поведением. Ряд из них вообще не предполагает участия людей, что воспроизводит цифровые формы насилия, несправедливости и цинизма: «роботы создают машины эффективнее, чем это могут люди; интеллектуальные системы осуществляют их вождение безопаснее, чем люди; дроны могут убивать людей эффективнее, чем сами люди в состоянии убить друг друга». Массовая безработица становится «возможностью», ибо «живой труд, как Маркс обозначал его, ускоренно вытесняется мертвым трудом машин». Никогда в истории «не было большей угрозы для существования рабочих мест и качества труда, вызванной мертвым трудом роботов и искусственным интеллектом». Более того, при всей эффективности цифровых систем они «экстремально уязвимы перед атаками хакеров» [Mosco, 2017: 55, 112, 125, 173, 176, 177].

Особо отметим, что российские социологии еще ранее указывали на актуальность проблемы «нового прочтения» труда [Тощенко, 2005; 2008]. Во всяком случае, идеи насилия и несправедливости, исходящие от антиэкономики, необходимость переоткрытия труда в контексте востребованности оздоровления работы, учета влияния ее характера на человека, общества, биосферу, полагаем, после конгресса получают новый импульс развития. В первом приближении, с нашей точки зрения, необходимо: 1) с позиций междисциплинарности и на основе принципов предложенного нами гуманистического поворота начать изучение явных и латентных последствий цифровизации для характера всех видов трудовой деятельности; 2) система образования нуждается в радикальных преобразованиях: ее эффективность следует определять не компьютеризацией классов, заменой бумажных учебников на планшеты, а готовностью учащихся и студентов адаптироваться к реалиям цифры, сохраняя в то же время собственно культурную природу человека; 3) российское общество будет более конкурентоспособным на международной арене,

если в противовес культам эффективности и роста утвердит культы гуманистически ориентированной экономики и здорового труда.

Метаморфизация человека в «античеловека». Антиобщество и антиэкономика утверждают принципиально *новый порядок жизни* в виде «не-жизни», где «растет число сфер человеческой жизнедеятельности, определяемых терминами машин». Этот порядок «был создан науками и ничего общего не имеет с порядком символического мира» – он стал «чисто интеллектуальным и техническим». Многие известные физики, включая Н. Бора, А. Эйнштейна и др., указывали на возникающую при этом «необычайную сложность наших отношений с материей, энергией и окружающими средами». «Однако социальные науки мало изменились под влиянием этих открытий и рекомендаций». Более того, секулярные мифы капитала («ценности всех ценностей»), работы, прогресса и счастья «убеждали людей в том, что все предыдущие культуры были ошибочными в своей опоре на символизацию, жизненный опыт и культуру». Возникла «экзистенциальная бедность: индивидуальные жизни более не создавались в смысле коллективной жизни». В результате «появляется античеловек, который живет так, будто наша сущность символических существ может игнорироваться» [Vandenburg, 2016: 322–323, 327, 329]. В этом же плане высказывается В. Моско: социальный тип античеловека привел к радикальной трансформации отношений между мужчиной и женщиной. Еще в 1990-е гг. в США «легальный брак однополых пар считался невозможным сном». Однако развитие технологий, направленных на перформансы с телом, привело к нечеловеческим отношениям – однополые браки получили «поддержку большинства» [Mosco, 2017: 180, 181].

Еще большим вызовом является то, что мозг и мышление античеловека обретают характер функционирования цифровой техники. Развитие самости людей осуществляется не по Дж. Миду, согласно которому обобщенный другой и значимый другой осуществляют контроль над формированием идентичности человека. Нивелируется роль традиционных стадий игры (play) и соревнования (game), которые развивали у индивида социальную способность оценивать себя глазами других [Мид, 1994]. Мы бы предложили обозначить самость анти-человека *экранной идентичностью*, учитывая и то, что принципиально значимую роль в социализации молодых людей начинают играть новые факторы обучения *неспособности*, обусловленные экранными технологиями, функционирующими на основе цифровизации. По Р. Мертону стремление к безусловному соблюдению правил и инструкций, обусловленных формальной рациональностью, приводит к утрате самостоятельного, творческого мышления. Такое обучение неспособности, в частности, ведет к тому, что люди не могут критически реагировать на жизненные новации [Мертон, 2006]. Сегодня, указывает У.Х. Вандербург, идет умножение форм обучения неспособности. Телевидение «фундаментально отличается» от иллюстрированных детских книг: «его эффективность измеряется рейтингами», оно «учит детей пассивно участвовать в “мире”, который производит так много “встрясок” для восприятия, что, в сравнении с ними, делает жизненный повседневный мир скучным». Компьютеры и Интернет «открыли двери к совершенно новой игровой площадке, отличной от всех традиционных игровых мест, становящейся истинной реальностью для их жизни». Однако невозможно использовать компьютеры иначе, чем в терминах функционирования машин. Соответственно, «человеческая функция симулируется посредством технического разделения ее на последовательность независимых и бесконечно повторяющихся шагов... Сфера компьютерных программ полностью отделена от жизненного опыта и культуры». Более того, «дети столь поглощены реальностью новой игровой площадки, что это уводит их от повседневных контактов с другими... школы делают все, чтобы направить детей к “жизненным навыкам”, относящимся к не-жизни, опосредованных компьютером задач».

Опасность новых факторов обучения неспособности уже осознается научной общностью, ориентированной на включение культуры в науку и цифровые технологии: «Я знаю ряд профессоров компьютерной инженерии и компьютерной науки, которые отказались от домашних компьютеров, пока их дети находились возрасте тинэйджеров.

Некоторые из них потратили много времени, убеждая руководство школ убрать компьютеры из классов» [Vanderburg, 2016: 341–342, 344, 345, 346, 347, 348]. Эту позицию разделяет В. Моско: «Целью компьютерного обучения является научить людей думать, как компьютеры... Компьютеризированный мозг порождает вызовы тому, что является человеческим существом». Подобные реалии автор ассоциирует с «новой религией технологии, сингулярностью и трансгуманизмом» [Mosco, 2017: 115, 123].

Автор этих строк порядка трех лет отказался от компьютерного сопровождения своих лекций. Студенты зачастую просили вернуться к предыдущему слайду, что подталкивало их к «линейному» восприятию материала, отрывало от критического следования аргументации, непосредственного диалога студентов с профессором, что крайне важно для формирования социологического мышления и воображения [Кравченко, 2009].

Возврат от античеловека к человеку в принципе возможен. Для этого необходимо откататься от «секулярного опиума народа», ибо «если следовать нынешнему курсу, мы гарантированно разрушим себя как символических существ и, весьма вероятно, уничтожим планету вместе с нами». Действительно, цифровые средства при всех очевидных благах и удобствах несут явные и латентные угрозы жизнедеятельности людей. Ресимволизация позволит «раскрыть, насколько ненаучна наша наука в отношении ко всей жизни, насколько бесчеловечна наша техника, неэкономичен беспредельный рост, производящий скорее долг, чем блага» [Vanderburg, 2016: 371, 384].

На наш взгляд, утверждения канадских коллег излишне радикальны, абсолютизируют негативные побочные эффекты современных цифровых технологий. Без них невозможно современная жизнь и невозможен отказ от них. Однако верно и то, что научные и технологические победы необходимо диагностировать через призму их воздействий на культуру, влияний на физическое и психическое здоровье людей. Полагаем, российские исследователи в этом плане занимают более взвешенные позиции [Андреев, Назарова, 2016]. Со своей стороны, мы раскрыли факторы зарождения «нормальной аномии», возникновение которой в значительной степени обусловлено сциентизмом, формальным рационализмом, меркантилизмом, наметили шаги по минимизации ее последствий [Кравченко, 2017b].

Востребованность преобразования предметных полей современного научного знания. Как полагает У.Х. Вандербург, «дисциплинарно основанное знание в целом исходит из того, что человеческая жизнь и мир созданы из различных сфер, при этом каждая определяется единственной категорией явлений». Чтобы «смягчить ограничения, навязанные нынешним научным разделением труда», были созданы гибридные дисциплины – биохимия, социальная психология, системное мышление, изучение культур и др. Но эти усилия «не устранили принципиальных ограничений дисциплинарных подходов», ибо в целом «научное знание прямо противоположно повседневному знанию в том смысле, что оно игнорирует как все соотносится друг с другом... В результате по отношению к повседневному знанию научное знание является антизнанием, в то время как по отношению к научному знанию повседневное знание предстает как антизнание». Последствиями разделения этих типов знания стало то, что преобразования социальных и природных реалий, абсолютизирующие мифы культуры, «вносят вклад в создание и эволюцию символического мира, в то время как преобразование, основанное на дисциплинарности, трансформирует мир в реальность, разделенную на отдельные и конкретные сферы». Научное же знание как «антизнание» и соответствующая ему «технология, изменяющая людей», по своим последствиям формируют «культ высвобождения из общественной жизни», способствуя развитию невротического характера и страхов. «Мы живем и действуем, как будто десимволизация является полностью нормальным и принимаемым явлением». «Вряд ли удивительно то, что М. Вебер предупреждал человечество: феномен рациональности заперт нас в железную клетку», станет фактором ментальных болезней, сокращения времени для близких, детей, соседей [Vanderburg, 2016: 223–224, 225, 227–228, 238, 242, 247].

Для выхода из создавшегося положения дел В. Моско ратует за преобразование предметных полей современного научного знания. Применительно к социологии это означает, что можно начать с «радикального обновления позитивизма». В нем «эмпирическое наблюдение и информационный опыт квалифицировались как истинно научное понимание мира», чему автор противопоставляет идею *цифрового позитивизма* – его инструментарий уже показал свою эффективность. Так, если команда Клинтон полагалась на традиционные социологические опросы, предсказывавшие ее победу с результатами от 70 до 99%, успех компании Трампа состоял «в использовании информации больших данных, что позволило делить на части и специфицировать американский электорат, выиграв в достаточном количестве штатов, чтобы оказаться наверху» [Mosco, 2017: 30, 35].

Таким образом, сегодня представителей канадской социологии объединяют проблемы углубления дисциплинарности самых разных наук (пример тому – тематика интегративных и совместных сессий XIX Всемирного социологического конгресса). Очевидно, не будет преувеличением сказать: теоретическая новизна подходов канадских социологов является весьма радикальной, революционной по сути и духу, конкретно выражаясь в критическом анализе научного знания, основанного на принципах абсолютизации самоценности монодисциплинарного знания, ныне исчерпавшего потенциал валидности. Со своей стороны, мы ранее высказывались за «новый синтез научного знания» и междисциплинарности, основанный на гуманистическом повороте всех наук [Кравченко, Салыгин, 2015]. Соответственно, материалы XIX Всемирного социологического конгресса и новации канадских социологов побудили нас ввести в программу подготовки социологов МГИМО курс «Цифровой социологии», основанный на междисциплинарных подходах, имеющих культурно-гуманистический стержень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Философско-социологические проблемы здоровья // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 111–118.
- Кравченко С.А. Динамика социологического мышления и воображения // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 14–24.
- Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования, 2017а. № 10. С. 3–14.
- Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 27–37.
- Кравченко С.А. Существование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» // Социологические исследования. 2017b. № 2. С. 3–13.
- Кравченко С.А., Салыгин В.И. Новый синтез научного знания: становление междисциплинарной науки // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 22–30.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления, 1994.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 2000.
- Тощенко Ж.Т. Социология жизни. М.: Юнити, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Социология труда. М.: Юнити-Дана, 2008.
- Тощенко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005.
- Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: в 2 ч. Ч. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
- Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек. М.: ФНИСЦ, 2018.
- Abraham M. Welcome Address by the President of the International Sociological Association // XIX World Congress of Sociology. Toronto, Canada, 2018. July 15–21.
- Mosco V. Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2017.
- Vanderburg W.H. Our War on Ourselves. Toronto: University of Toronto Press, 2011.
- Vanderburg W.H. Our Battle for the Human Spirit. Toronto: University of Toronto Press, 2016.

THE MANY FACES OF METAMORPHOSES: ABOUT INNOVATIONS OF TWO CANADIAN SOCIOLOGISTS

KRAVCHENKO S.A.

Moscow, Russia Moscow State University of International Relations, MFA of Russia (MGIMO-University), Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Soc), Prof., Head of the Department of Sociology, MGIMO-University; Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. Materials presented at the XIX World Congress of Sociology are analyzed. Special attention is paid to the positioning of Canadian sociology. Specifically, the works of two well-known Canadian sociologists (Vanderburg and Mosco), the originality of their approaches to power, violence and justice in the context of the new trend of digitalization of society are reviewed. Among the theoretical innovations, modern metamorphoses of social realities and knowledge are distinguished, determined by side-effects of the existing formal, rational and pragmatic trends in the development of the sciences and technologies, that negatively affect the socio-cultural nature of man, society, and biosphere. Canadian sociologists, who organized the Congress, especially paid attention to the trends of digitalizing scientific knowledge and developing digital technologies, which are factors in metamorphosing society, economy, personality into "anti-society", "anti-economy", "anti-person" that leads to the emergence of a new type of power exercising, global domination on the basis of digital technologies that produces digital violence against people. Overcoming the emerging challenges of human civilization they look for the way to the transition to interdisciplinary knowledge with a cultural core, as well as to knowledge that is informed by the life experience of peoples' communities.

Keywords: XIX World Congress of Sociology, metamorphosis, knowledge, digital technologies, side effects, "anti-society", "anti-economy", "anti-person", humanistic turn.

REFERENCES

- Abraham M. (2018) Welcome Address by the President of the International Sociological Association. In: *XIX World Congress of Sociology*. Toronto, Canada, July 15–21.
- Andreev I.L., Nazarova L.N. (2016) Philosophical and Sociological Health Problems). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 111–118. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2017b) Co-existence of Risk-phobia and Risk-philia as Demonstration of 'Normal Anomie'. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–13. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2009) Dynamics of Sociological Thinking and Imagination. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 14–24. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2017a) Metamorphoses, Essence, Increasingly Complex Types, Place in Sociological Knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–14. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2014) Re-discovery of Social Reality as an Indicator for Validity of Sociological Knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 27–37. (In Russ.)
- Kravchenko S.A., Salygin V.I. (2015) A New Synthesis of Scientific Knowledge: the Making of Interdisciplinary Science. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 22–30. (In Russ.)
- Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Mead G.H. (1994) From Gersure to Symbol. In: *American Sociological Thought: Texts*. Moscow: Izdanie Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniya. (In Russ.)
- Mosco V. (2017) *Becoming Digital. Toward a Post-Internet Society*. Bingley: Emerald Publishing Limited.
- Prigozhin I., Stengers I. (2000) *Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: Yuniti. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2008) *Sociology of Labour*. Moscow: Yuniti-Dana. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2005) *Sociology of Labour: Experience of New Reading*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Vanderburg W.H. (2011) *Our War on Ourselves*. Toronto: University of Toronto Press.
- Vanderburg W.H. (2016) *Our Battle for the Human Spirit*. Toronto: University of Toronto Press.
- Yanickij O.N. (2018) *Globalization. City. Individual*. Moscow: FNISs. (In Russ.)